

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.4>

UDC 172:159.923.2

LBC 87.70

Submitted: 05.08.2025

Accepted: 02.09.2025

STIGMATIZING OF THE OTHER IN THE MEDIEVAL WEST-EUROPEAN CULTURE

Oleg E. Dushin

Vaganova Ballet Academy, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The author of this article studies the Medieval Western European tradition of attitudes towards the Other, concerning, in particular, various heretical doctrines and other religions that were stigmatized as infidels (Jews and Muslims), describes some specific practices of their forced identifications, and also researches the stigmatizing representatives of various forms of deviation and professional activities. The scholar stresses that the formation of the image of the Other contributed to the affirmation of the status of the Western European aristocracy and the development of the conception of “We.” At the same time, it is pointed out that the process of social differentiation became a necessary moment in the formation of European statehood and was initiated by the medieval universities’ schools. Plus, the Roman Catholic Church, as the author says, made its significant contribution to the implementation of these social strategies, extremely demonizing the image of the Other. However, the author draws attention to the fact that these positions, in a sense, were based on the works of ancient scholars Aristotle and Hippocrates. It is remarked that these social projections were realized at the turn of the 12th and 13th centuries, when the Crusades began and popular heretical movements became widespread. In this regard, the Church and the authorities, as noted in the article, aimed to create a strict disciplinary area in the Medieval West European countries. As a result, the author emphasizes that the process of stigmatization of the Other was connected with the long historical perspective of the formation of the mentality of Western European man with all national characteristics and social differentiations. In conclusion, the article argues that the image of Imperium Christianum, which united the medieval Catholic world, included noticeable differences and differentiations. However, in the face of infidels, stigmatized as Others, these differences receded into the background. Besides, according to the author of this research, the most important point was that the ability to work diligently and skillfully manage one’s own household, as well as the habitus of social interaction, was perceived as a necessary foundation for the exercise of property rights, whereas the lack of labor skills inherent in “uncivilized” peoples called into question the possibility of exercising this right; that was the justification for the prospect of colonizing these peoples.

Key words: Other, stigmatizing, prudens, civilitas/urbanitas, Imperium Christianum.

Citation. Dushin O.E. Stigmatizing of the Other in the Medieval West-European Culture. *Logos et Praxis*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 29-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.4>

УДК 172:159.923.2

ББК 87.70

Дата поступления статьи: 05.08.2025

Дата принятия статьи: 02.09.2025

СТИГМАТИЗАЦИЯ ДРУГОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Олег Эрнестович Душин

Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается средневековая западноевропейская традиция отношения к Другим, представляющим, в частности, различные еретические учения и иные религии, которые стигматизировались как иноверцы (иудеи, мусульмане), описываются некоторые специфические практики их принудительной идентификации, затрагивается стигматизация представителей различных форм девиации и профессиональной деятельности. Автор отмечает, что формирование образа Другого способствовало утверждению статуса западноевропейской аристократии и развитию концепта «Мы». При этом подчеркивается, что

процесс общественного размежевания стал необходимым моментом становления европейской государственности и инициировался университетскими школами. Причем, как указывает автор исследования, Римско-католическая Церковь внесла свою весомую лепту в реализацию этих социальных стратегий, крайне демонизируя образ Другого. Однако обращается внимание на то, что в основании этих позиций лежали работы Аристотеля и Гиппократов. В средневековой Западной Европе эти социальные проекции оказались востребованы на рубеже XII–XIII вв., когда начались Крестовые походы и широко распространились народные еретические движения. В этой связи Церковь и власть, как отмечается в статье, устремились к созданию строгого дисциплинарного пространства. Автор подчеркивает, что именно в такой перспективе складывался менталитет человека Запада со всеми его национальными особенностями и общественными дифференциациями. В выводе утверждается, что образ *Imperium Christianum*, объединявший средневековый католический мир, включал заметные различия и дифференциации. При этом перед лицом иноверцев, стигматизируемых в качестве Других, эти различия отступали на второй план. Однако самое главное, как считает автор данного исследования, заключается в том, что способности прилежно трудиться и умело вести свое хозяйство, навыки социального взаимодействия воспринимались как необходимые основания для реализации права собственности, тогда как отсутствие навыков к труду, присущие «нецивилизованным» народам, ставили под сомнение возможность осуществления данного права, чем оправдывалась перспектива колонизации этих народов.

Ключевые слова: Другой, стигматизация, *prudens, civilitas / urbanitas, Imperium Christianum*.

Цитирование. Душин О. Э. Стигматизация Другого в средневековой западноевропейской культуре // *Logos et Praxis*. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 29–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2025.3.4>

Обращение к западноевропейскому Средневековию в связи со стигматизацией Другого, прежде всего, в качестве представителя инославных религиозных вероучений представляет актуальный научный интерес. Во-первых, поскольку само Средневековье является собой нечто иное по отношению к современности. Во-вторых, сложившаяся во второй половине XX в. концепция понимания данной эпохи в качестве «долгого Средневековья» (Жак Ле Гофф, Норберт Элиас), то есть как длительного процесса исторического развития от Каролингов и становления раннесредневековой городской культуры до машинной революции середины XIX в., демонстрирует особую перспективу формирования цивилизации современного Запада. В-третьих, для российского исследователя в этой связи возникает сложная задача, обусловленная тем, что, с одной стороны, Россия является составной частью обширного и разнородного пространства европейской культуры, с другой стороны, наша страна имеет некоторую специфику в силу ее географического местоположения, и потому что она напрямую включилась в европейские социально-экономические и политические процессы позже, чем другие государства. В этом

смысле Россия, пользуясь гегелевской системой понятий, предстает в роли «своего иного». Только это не является исключительной характеристикой русской ментальности, другие народы также имеют свои особенности развития, даже страны «ядра» западноевропейского мира (Великобритания, Германия, Италия, Франция) заметно различаются между собой в отношении политических укладов и национальных менталитетов.

В конечном счете необходимо учитывать наличие не только универсального горизонта социально-гуманитарных исследований, хотя и придерживаться стратегии выявления исторических особенностей и различий национальных культур. В данном контексте практика стигматизации Другого в западноевропейском Средневековье включала в себя не только представителей иноверцев (иудеев, мусульман, а также православных и еретиков), но задавалась и соответствующими национальными, географическими, климатическими и социальными различиями. В частности, стигматизации в качестве Других со стороны Римско-католической церкви и светской власти подвергались прокаженные, проститутки, люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией*, пред-

* Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения включены в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данных организаций запрещена на территории Российской Федерации.

ставители различных профессий, а также отдельные европейские народы и крестьяне. Так, Жак Ле Гофф указывает на то, что на средневековом Западе существовал не только список «запрещенных профессий» (*negotia illicita*), но многие виды трудовой деятельности рассматривались как «презренные занятия» и «постыдные промыслы» (*vilia officia, artes indecorae*). Следуя французскому медиевисту, по тем или иным причинам к ним относились такие профессиональные группы как трактирщики, мясники, торговцы требухой, кондитеры, мельники, жонглеры и комедианты, врачи, нотариусы, купцы, ткачи, шорники и сапожники, портные и парфюмеры, красильщики, садовники, художники, рыбаки, цирюльники, солдаты, таможенники, менялы и другие [Ле Гофф 2000, 64]. Понятно, что некоторые занятия были связаны с нарушением определенных религиозных табу, поэтому они попали в данный список, однако за другими явно скрывались конкретные экономические интересы, за которые они подвергались соответствующей обструкции.

Исследовательница из Лейденского университета Клэр Вида, автор книги «Свой и чужие. Этнические стереотипы в средневековой Европе. 950–1250 гг.», опубликованной в 2024 г. в переводе на русский язык, отмечает, что Другой был «необходимым зеркалом, чтобы заявить о своих правах на физическое, умственное и духовное господство аристократии Западной Европы» [Вида 2024, 263]. Таким образом, указанная политическая стратегия сыграла принципиально важную роль в процессах социально-экономического развития цивилизации Запада, в реализации и утверждении принципов общественной дифференциации и соответствующих норм поведения, в формировании общих постулатов мировоззрения и господствующих установок морали. В этом контексте исследователи отмечают, что «именно через “изобретение других” и их преследование христианское общество определяет себя» [Байдуж, Медведева 2022, 112].

Представление Другого как чужака, которое подразумевает процесс размежевания, установления дифференциации и определения существенных различий, предстает как необходимое условие осмысления и утверждения себя, выявления собственной идентичности. Причем такого рода стратегии были харак-

терны не только для религиозной жизни средневековой Европы, но постепенно распространялись на сферу экономических отношений и в конечном счете охватили весь спектр позиций чужеродности. Тем самым посредством стигматизации Другого формировались единство и тождественность «Мы». Как отмечает, автор монографии «Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов», российская исследовательница С.И. Лучицкая: «Чтобы возникло чувство “Мы”, должны быть “Другие”» [Лучицкая 2001, 6].

В свою очередь, Клэр Вида подчеркивает, что перспективы формирования образов Других в Западной Европе были связаны с «политическим конструированием национальных государств», с процессами централизации средневековых монархий и заметным расширением влияния Церкви. Причем риторика стигматизации Других приобрела интеллектуальное определение и развитие в средневековой системе университетского образования, в схоластических школах, а затем транслировалась в государственную систему, формировавшуюся вместе с развитием класса чиновников, обучавшихся на факультетах права. В этом смысле утверждение государственной системы права и законности строилось на привилегиях образованных людей, социальный статус которых задавался приоритетом знаний [Ле Гофф 2000, 109–134]. Примечательно, что деление на нации легло «в основу парижской университетской корпорации» (галльскую, английскую, которая в связи с развитием Оксфордского и Кембриджского университетов утратила свое бывшее значение и была заменена на германскую, пикардийскую и норманнскую) [Суворов 2012, 43]. Как указывает Клэр Вида, «образы других и себя, представляющие различные уровни рациональности и силы, добродетели и порока, поддерживали формы подчинения через голос религиозного и научного авторитета» [Вида 2024, 33].

Указанная позиция утверждалась и поддерживалась католической Церковью, которая таким образом оправдывала исключительную истинность своего вероучения. Причастность к Церкви обеспечивала простым верующими юридические права и общественное признание, тогда как оказаться вне церковной жизни означало стать в числе Других, что вело к ут-

рате социального статуса и соответствующих жизненных возможностей, вплоть до изъятия собственности и даже смертной казни в отношении упорствующих еретиков [Устинова 2009, 47]. Напротив, за верными сынами Церкви, которые были ревностно преданы ей, закреплялось право на экспансию и захват чужих земель, принадлежавших еретикам. В свою очередь, религиозные особенности других народов и отдельных общественных групп в качестве верующих иных религий приобретали характер существенных характеристик, но при этом иноверцы (иудеи, мусульмане, христианские еретики) воспринимались как самые чудовищные существа, как слуги Дьявола, являвшихся предвестниками торжества Апокалипсиса. В этой перспективе особенно опасным и непроницаемым для понимания представлялось тело чужака, которое в рамках различных средневековых изображений ассоциировалось с черным цветом кожи, олицетворявшим «тьму, царствовавшую в душе» [Майзульс 2023, 9].

Каталогизация всех этнических добродетелей и пороков такого рода Других стала предметом деятельности испанских монахов еще в X веке. Однако в основе этой проекции лежали работы представителей античной культуры Аристотеля и Гиппократ, которые отстаивали идею наличия принципиальных различий между народами (греками и варварами) в силу влияния окружающей среды, естественных климатических и природных условий их жизни. Речь идет о работе Аристотеля «Политика», переведенной на латинский язык около 1260 г. Вильгельмом из Мербеке, и трактате Гиппократ «О воздухах, водах и местностях», переведенном в конце XII в. и получившим довольно широкое распространение в Западной Европе.

Гиппократ прямо заявлял, что государственное устройство и нравы людей «отражают природу страны». Как античный ученый он считал, что там, где климат умеренный (что относилось к Греции, а в Средние века речь шла прежде всего о Франции), там и нравы людей были более адекватны, тогда как в южных странах люди были изнеженными, а на Севере, напротив, слишком яростными. Причем умеренность и рациональность обеспечивали ее носителям право на власть, счи-

талось, что поработанные народы не способны правильно поступать, поэтому они нуждаются в руководителе, который будет ими управлять, но он будет придерживаться «общего блага» и учитывать интересы поработанных наций. В итоге, напрямую оправдывались возможности колонизации и завоевания других народов [Гиппократ 1936]. Примечательно, что данная позиция античного автора получила свое продолжение и развитие в западноевропейском Средневековье.

Стратегия стигматизации иноверцев и представителей различного рода форм девиации приобрела особое значение на рубеже XII–XIII вв. вместе с организацией и осуществлением Крестовых походов. Именно тогда возникли образы сарацина как главного внешнего врага христианского мира и иудея как скрытого внутреннего врага. Согласно решениям IV Латеранского собора 1215 г., для них вводились специальные идентификационные знаки [Майзульс 2023, 19]. Однако в этот период Церковь также столкнулась с широкими народными еретическими движениями, охватившими многие города и целые регионы. Для преодоления такого рода ситуации потребовались различные проекции общественной дифференциации и контроля сознания верующих. В частности, в рамках IV Латеранского собора всем верующим было предписано обязательно исповедоваться каждый год. Все это было направлено на формирование особого дисциплинарного пространства средневековой Европы.

Клэр Вида, описывая портрет средневекового западноевропейского человека, отмечает, что «латинизированный мужчина мог олицетворять мужскую самодисциплину, рациональность и учтивость». По сути, он являл собой главные мужские добродетели. В свою очередь, образы «мусульман, южан, евреев, славян, ирландцев, скандинавов, язычников, женщин, деревенщин и еретиков» французские и английские историки, работавшие как при монастырях, так и при монарших дворах, ассоциировали как бы с женскими чертами: «слабостью, неразумностью, хитростью, отсутствием дисциплины и сельским характером» [Вида 2024, 37].

Такого рода диспозиция человека латинского Запада, как подчеркивает К. Вида, связывалась с древнегреческой *prudens* (благо-разумием) и с римской *civilitas / urbanitas*, которые подразумевали городского жителя, способного к общественно-политической жизни, что и у эллинов, и у римлян воспринималось как важнейшая характеристика «цивилизованности». При этом им противопоставлялись *barbaricus*, – дикие, жестокие и коварные люди, не ведающие закона и политических норм государственного устройства. В Средние века это были люди, проживавшие на окраинах цивилизованного мира в Ирландии, Шотландии, Скандинавии и в славянских странах. Отчасти также это распространялось на дифференциацию статуса аристократов и крестьян [Вида 2024, 218–224].

Центром средневековой Европы стала Франция, которая, начиная с эпохи Каролингов, обрела пальму первенства среди других государств, а Париж еще со времен Петра Абеляра перенял от Афин статус интеллектуальной столицы [Rashdall 1936, 1, 63]. Французы являлись эталоном «цивилизованности», ибо они были первыми в науках, им была присуща строгая рациональность и соответствующая дисциплина [Вида 2024, 291]. Как истинно христианскому народу им приписывалась особая миссия на Земле. Англия также воспринималась в качестве благословенной страны и места подлинной цивилизации, английская нация ассоциировалась с урбанистической изысканностью в культуре и с богатством природы – с обширными пастбищами, с плодородными почвами, с запасами железной руды. Считалось, что англичане – это веселые, остроумные, щедрые и красноречивые люди, что их характер соответствовал богатствам их Родины [Вида 2024, 244]. Особые диспозиции франков, англосаксов и вестготов в средневековом мире задавались, согласно их убеждениям, уникальным союзом с Богом, тогда как, например, немцы характеризовались иррациональностью в поведении, что проявлялось в жестокости, в неумеренности в еде и в чрезмерном употреблении алкоголя.

В итоге образ *Imperium Christianum*, объединивший весь средневековый католический мир, на самом деле нес в себе дос-

таточно заметные и культивируемые различия и дифференциации. Однако перед лицом иноверцев, стигматизируемых в качестве Других, эти различия отступали на второй план. Кроме того, рациональность и здравость в поведении, умение вести хозяйство и прилежно трудиться, законопослушность и навыки социального взаимодействия воспринимались как необходимые основания для реализации права собственности. В свою очередь, иррациональность, жестокость, отсутствие куртуазности и навыков к труду, присущие «нецивилизованным» народам, отрицали возможность осуществления данного права, но этим оправдывалась перспектива их колонизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байдуж, Медведева 2022 – *Байдуж Д.В., Медведева В.О.* Образ Другого: отличительный знак евреев в средневековой Германии (XIII–XVI вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. *Humanitates*. 2022. Т. 8, № 4 (32). С. 110–133.
- Гиппократ 1936 – *Гиппократ*. О воздухах, водах и местностях // Гиппократ. Избранные книги. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. С. 275–306.
- Вида 2024 – *Вида К.* Свои и чужие. Этнические стереотипы в средневековой Европе. 950–1250 гг. СПб.: Библиороссика, 2024.
- Ле Гофф 2000 – *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Лучицкая 2001 – *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
- Майзульс 2023 – *Майзульс М.* Воображаемый враг: Иноверцы в средневековой иконографии. М.: Альпина нон-фикшн, 2023.
- Суворов 2012 – *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- Устинова 2009 – *Устинова А.А.* IV Латеранский собор 1215 года и программа борьбы с альбигойской ересью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 45–50.
- Rashdall 1936 – *Rashdall H.* The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1936.

REFERENCES

- Bajduzh D.V., Medvedeva V.O., 2022. The Image of the Other: Distinctive Mark of Jews in Medieval Germany (The 13th – 16th Centuries). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, Humanitates*, vol. 8, no. 4 (32), pp. 110-133.
- Hippocrates, 1936. On Airs, Waters, and Localities. Hippocrates. *Selected books*. Moscow, Gos. izd-vo biol. i med. literatury, pp. 275-306.
- Weeda C., 2024. *Ours and Theirs. Ethnic Stereotypes in Medieval Europe, 950–1250*. Saint Petersburg, Bibliorossika Publ.
- Le Goff J., 2000. *The Other of Middle Ages: Time, Labor and Culture of the West*. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta.
- Luchickaya S.I., 2001. *The Image of Other: Muslims and Chronic of Crusades*. Saint Petersburg, Aletheia Publ.
- Majzuls M., 2023. *The Imaginary Enemy: Infidels in Medieval Iconography*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ.
- Suvorov N.S., 2012. *The Medieval Universities*. Moscow, LIBROKOM.
- Ustinova A.A., 2019. The 4th Lateran Council (1215) and the Program of Struggle with Albigensian Heresy. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*, no. 111, pp. 45-50.
- Rashdall H. *The Universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford, Clarendon Press, 1936.

Information About the Author

Oleg E. Dushin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Ballet Academy, Zodchego Rossi St, 2, 191023 Saint Petersburg, Russian Federation, odushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>

Информация об авторе

Олег Эрнестович Душин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, Академия Русского балета им. А.Я. Вагановой, ул. Зодчего Росси, 2, 191023 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, odushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8770-9036>